

И. ИРМШЕР

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ*

То обстоятельство, что византийское государство воспринимало себя как продолжателя римской универсальной монархии и соответственно как единственную законную империю, а также то, что его граждане называли себя ромеями, неоспоримо и не нуждается в специальном доказательстве¹; как веский содействующий фактор к этому добавлялось сознание того, что Византия представляет христианское православие² и греческую культурную традицию. Даже никейская реставрация, ликвидировавшая латинское, чужеземное господство, основывалась на восточноримской идее государственности со всеми ее компонентами, когда она претендовала на законность и преемственность, несмотря на то обстоятельство, что именно в этот период в противовес византийскому универсализму начала утверждаться греческая народность (*λαβότης*)³, указывающая на дальнейшее развитие⁴. Наиболее очевидно это проявилось в том, что обозначение «эллин», которым прежде презрительно обозначали язычника, постепенно приобрело старое значение и вместе с ним почет⁵. Разумеется, это было лишь первым признаком того, что преодоление феодальной ограниченности стояло на повестке дня истории, но, как известно, Византия попала под власть турецких завоевателей, прежде чем смогла решить эту проблему.

Между тем не было недостатка в силах, которые стремились именно к решению этой проблемы. Развитие товарно-денежных отношений в поздней феодальной Византии приводило в деревне к социальному расслоению крестьянства, а в городе — к пауперизации ремесленников; оба процесса имели своим следствием возбуждение масс, которое характеризовалось тем, что деревенская беднота действовала сообща с плебсом⁶. В 40-х годах XIV в. почти вся Фракия и почти вся Македония были охвачены восстанием, которое вылилось в движение зилотов в Солуни, одном из самых значительных городов того времени. Вне всяких сомнений, зилоты следовали

* Доклад, прочитанный на симпозиуме по социально-экономическим проблемам истории Византии (Москва, сентябрь 1974 г.).

¹ J. Irmscher. Einführung in die Byzantinistik. Berlin, 1971, S. 33 ff.; F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 70 ff. Частично устарели выводы: E. Stein. — «Forschungen und Fortschritte», 1930, 6, S. 182.

² Христианство вторично по отношению к идее государственности, а не наоборот, как полагает О. Трейтингер (O. Treitinger. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats und Reichsgedanken, 2. Aufl. Darmstadt, 1956, S. 262).

³ Для немецкого перевода Sachwörterbuch der Geschichte Deutschlands und der deutschen Arbeiterbewegung, 2. Berlin, 1970, S. 125 предлагается «ethnische Gemeinschaft, Völkerschaft».

⁴ J. Irmscher. Byzantinische Forschungen, 4, 1972, S. 114 ff.

⁵ Примеры см. 'Α. 'Ε. Βακαλόπουλος. 'Ιστορία τοῦ Νέου Ἑλληνισμοῦ, 1. Thessalonike, 1961, p. 67 sq.

⁶ Здесь и ниже см. J. Irmscher, in: Elisabeth Charlotte Welskopf. Hellenische Poleis, 3. Berlin, 1974, S. 1653 ff.

в своих действиях антифеодальной, социально-политической программе; при этом, видимо, обращались все-таки не к античности, как бы это ни помогало в достижении их целей. Лишь в следующем столетии, в последнюю фазу существования византийского государства, обнаружилось предпосылки для такой регенерации классического прошлого в целях реализации идеи государственности. Этот прогресс связан прежде всего с Георгием Гемистом Плифоном.

Гуманист Плифон⁷ развернул плодотворную деятельность на своей греческой родине и в Италии, деятельность, которая на Западе привела к созданию Платоновской академии Козимо Медичи⁸. В связи с нашей темой наиболее важны 1414—1437 годы, которые Плифон провел в Мистре при дворе деспота Морей⁹. Вероятно, император Мануил II послал к своему сыну Феодору II специальным советником родившегося в 1355 г., необычно образованного и умудренного жизненным опытом человека высокого судейского ранга; это общественное положение внушало уважение к Плифону и позволяло ему досконально ознакомиться с ситуацией в области¹⁰, которая еще оставалась подвластна Палеологам¹¹. Раздумья Плифона нашли отражение в двух сочинениях, одно из которых посвящено Мануилу II¹², а другое — Феодору II¹³; на основе платоновской философии в них развивается практическая программа реформ¹⁴. При этом Плифон — и это весьма существенно в связи с нашей темой — откачивается от римско-византийского универсализма и противопоставляет ему новое самосознание. В его словах: «мы, которыми вы повелеваете и управляете, греки по происхождению, как об этом свидетельствуют язык и унаследованное нами образование»¹⁵, как бы предвосхищаются будущие признаки буржуазной нации¹⁶, и не случайно в новогреческом γένος наряду с другими значениями получает и значение «нация»¹⁷. Для Плифона эта родина — Морей, Пелопоннес с прилегающими местностями и островами (Πελοπόννησος τε καὶ ὅση δὴ ταύτης Εὐρώπης προσεχῆς τῶν τε αὐτῶν νήσων αἰ ἐπιχειμεναί, как звучит в малокопекретной и политически неопределенной формулировке)¹⁸. Тот же самый Пелопоннес в этническом отношении обозначается как греческий, с древности и до времени автора, хотя это целиком и полностью противоречит данным современных источников¹⁹. Сверх того, Пелопоннес представляется как центр, где зарождались важнейшие исторические движения. Исходя из этого, автор сочинения дает советы об устройстве армии, обложении налогами, применении наказаний, о валютной и внешнеторговой политике²⁰;

⁷ Об этом прозвище см. справедливые замечания: *F. Masai. Pléthon et le platonisme de Mistra. Paris, 1956, p. 384 sq.*

⁸ *G. L. Seidler. Soziale Ideen in Byzanz. Berlin, 1960, S. 55f.* (там также и эпитафия Плифона в Римини: Gemistus Byzantinus philosophus suo tempore princeps).

⁹ Даты даны по: *Ι. Π. Μαμαλάκης. Γεώργιος Γεμιστός Πλήθων. Ἀθήναι, 1939, σ. 59.*

¹⁰ *E. Vakalopoulos. Op. cit., 172 sq.*

¹¹ *G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, 2. Aufl. München, 1952, Karte VI.* О политической истории Пелопоннеса при Палеологах см. *D. A. Zakythinos. Le despotat grec de Morée. Diss. Paris, 1932, p. 119 sq.*

¹² *Σπ. Π. Λάμπρος. Παλαιολόγεια καὶ Πέλοποννησιακά, 3. Ἀθήναι, 1926, σ. 246.*

¹³ *Ibid., 4, 1930, 113 sq.*

¹⁴ О программе реформ говорится также и в «Истории Византии», т. 3. М., 1967, стр. 13.

¹⁵ *S. Lampros. Op. cit., 3, 247.*

¹⁶ Das Sachwörterbuch (S. 125) определяет нацию как категорию, характеризующуюся общностью экономики, территории, языка, культуры и сознанием этнического единства.

¹⁷ Taschenwörterbuch der neugriechischen Umgangs- und Schriftsprache, 1: *J. K. Mitsotakis. Neugriechisch-Deutsch, 2. Aufl. Berlin, 1911, S. 237.* Расплывчатым понятием нации оперирует Татакис (*B. Tatakis. La philosophie byzantine. Paris, 1949, p. 283*).

¹⁸ *S. Lampros. Op. cit., 3, 248.*

¹⁹ *Πέτρος Ροδόσ. Ζητήματα τῆς ιστορίας μας, s. I. 1955, σ. 123; H. F. Tozer. — «The Journal of Hellenic Studies», 7, 1886, p. 363 sq.*

²⁰ Резюме обоих сочинений см.: *Ι. Π. Μαμαλάκης. Op. cit., 78* и еще раньше: *A. El-lissen. Georgius Gemistus Plethon's Denkschriften über die Angelegenheiten des Peloponnes. Leipzig, 1860, S. 35 ff.*

он развивает теорию общества, которая опирается на платоновскую теорию, но не копирует ее рабски, а развивает в соответствии с современной реальностью, и, особенно, с условиями итальянских городских республик. Плифон требует, чтобы политические вожди были свободны от экономических интересов; если же они отдают им предпочтение, то они должны отказаться от государственной деятельности²¹. Это высказывание демонстрирует, в какой степени Плифон следует за Платоном, но оно же одновременно показывает, что в пелопоннесских городах к политической власти были причастны граждане, влияние которых основывалось на торговле и денежном хозяйстве. Реформатор хотел укрепить положение именно этого класса (в противовес феодальной аристократии), к которому сам ученый принадлежал, так как только с помощью этого класса можно создать централизованное государство, от которого Плифон ждал спасения («монархия, использующая наилучших советников и полезные законы, имеющие должную силу»)²²⁻²³.

Но кто должен быть советником? «Лучше всего умеренное число образованных мужей». Вне всяких сомнений, μέτριον должно обозначать прежде всего число, но оно одновременно дает подспудно данные об общественном «качестве» этих лиц, как ясно из контекста²⁴: ὁ τε γὰρ δῆμος, οὐ κατακοῦντες ἀλλήλων οὐδὲ συνιέντες ῥαδίως διὰ τὸ πλῆθος καὶ ἀπαιδεύτων τῶν ἐν αὐτοῖς ὑπερβολῆν, ἀλογίστως τὰ πολλὰ φέρουσι τὰς ψήφους, οἱ τ' εἰς ἐλάχιστον ἀριθμὸν ἀνηγμένοι τὰ ἴδια κέρδη λογιζόμενοι οὐκ ἀγαθὰ τὰ πολλὰ σύμβουλοι, οἱ δ' ἅμα μὲν μετρίως ἔχοντες πλήθους, ἅμα δ' οὐκ ἀπαιδευτοὶ, ἄλλος μὲν ἄλλο κατὰ τὸ εἶκος συνορῶντές τε καὶ εἰς μέσον ἄγοντες, ὑπὸ δὲ τοῦ κοινῆ συμφέροντος καὶ κοινῆ ἀγόμενοι τῷ παντὶ ἀμείνους τε καὶ ἀσφαλέστατοι συμβουλεύειν, ἔτι δ' οἱ μετρίως ἔχοντες βίου καὶ οὐθ' οἱ παμπλοῦσοι, οὐθ' οἱ ἀπορώτατοι· οἱ μὲν γὰρ διὰ τὴν τοῦ πλούτου φιλίαν οὐδὲν ἄλλο τὰ πολλὰ βουλευέσθαι φιλοῦσιν ἢ ὅθεν ἂν τις αὐτοῖς κέρδος προσείη, οἱ δὲ διὰ τὴν ἀπορίαν οὐδὲν ἄλλο σκοπεῖν ἢ ὅθεν ἂν τὰς ἰδίας ἀνάγκας παραμυθηθῶντο, οἱ δὲ μετρίως ἔχοντες μᾶλλον τοὶ καὶ ἐθέλουσι ὑπὲρ τῶν κοινῆ συμφερόντων ἐκάστοτε φροντίζειν²⁵. Иными словами, плебс ввиду своей массовости и необразованности не в состоянии высказывать обоснованные суждения. Высший слой думает лишь о своей выгоде и потому неспособен заботиться о всеобщем благе. Средние слои, напротив, обладают образованием, здравым смыслом, духом солидарности, и потому они поставляют надежных советников. Они не слишком бедны и не слишком богаты, и если богатый стремится к еще большей прибыли, а бедный прежде всего старается преодолеть свою нужду, то представитель среднего сословия постоянно проявляет заботу о всеобщем благе.

Не спорю, в моем пересказе многократно употребляются термины, которые не порождены временем и мировоззрением собственно Плифона²⁶. Но его система доказательств явно свидетельствует о том, что Плифон говорит от имени бюргеров пелопоннесских городов, которые хотели бы преодолеть ограниченность византийского феодализма, в том числе и его имперско-универсалистские притязания, поскольку они видели спасение от турецкой опасности лишь в эллинистической монархии, власть которой ограничена законами, т. е. своего рода конституцией. Еще нуждается в изучении, до какой степени в современном Плифону обществе ощутимы предпосылки²⁷ уже раннекапиталистического способа производства; но

²¹ S. Lampros. Op. cit., 4, p. 119.

²²⁻²³ Так — Б. Т. Горянов (ВВ, VI, 1953, стр. 407: «Законы, имеющие должную силу»).

²⁴ Сходным образом рассуждает Русос (Βοήθημα νέας ιστορίας τῆς Ἑλλάδας. S. I., 1958, с. 26: ἡ ἀλλαγὴ τοῦ κοινωνικοῦ καθεστώτος ὑπὲρ τῆς «μέσης τάξης» τῶν αὐτῶν).

²⁵ S. Lampros. Op. cit., 4, p. 119.

²⁶ Иначе выглядит парафраза у: F. Schultze. Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen. Jena, 1874, S. 273 f.

²⁷ Формулировка в соответствии с «Geschichte des Mittelalters», 1. Berlin, 1958, S. 228.

то, что он предвосхитил такое развитие ²⁸ и то, что мы должны его ставить в один ряд с раннебуржуазными идеологами, как в Италии, так и за ее пределами, нельзя подвергать сомнению.

Уже в сочинении, адресованном императору Мануилу, Плифон выступал против экономической привилегированности монашества ²⁹; чем больше он, обобщая, оформлял свою философско-политическую систему (поступаясь при этом некоторыми прогрессивными взглядами в пользу последовательного платонизма или даже неоплатонического мистицизма), тем больше он отдалялся от христианства ³⁰ и церкви — и тем самым опять-таки от фундаментальных основ византийской концепции государства. Об этом в целом скорее ретроградном, чем прогрессивном, развитии мыслителя Плифона свидетельствуют немногие дошедшие до нас фрагменты его посмертно опубликованной *Νόμων συγγραφή* ³¹; собственно сочинение патриарх Геннадий II Схоларий приказал сжечь из-за его безбожного содержания ³². Несмотря на эти эллинистически-антихристианские фундаментальные установки, Плифону было ясно значение православной церкви для укрепления национального самосознания, так что на Флорентийском соборе он представлял, как императорский советник, интересы «православных» ³³.

То новое, что появилось в идее государственности у Плифона — или, более узко, у Плифона предитальянского периода, — не раскрылось полностью в тех условиях, в которых он жил: для этого отсутствовали социально-экономические предпосылки в карликовом государстве Палеологов, в котором протекала его деятельность и которому османское продвижение положило конец непосредственно после смерти Плифона. Поэтому его гуманизм не достиг широты, связи с жизнью и жизненной силы итальянского гуманизма, а его обращение к античности во многом было ретроградным. И все-таки преодолением византийско-средневекового универсализма ³⁴ и осмыслением греческой *λαότης* наряду с именем эллина, наконец, своей политической ориентацией на средние слои Плифон предвосхитил те общественные и идеологические процессы, которые в XVIII в. привели к образованию новогреческой нации, а в XIX в. — к образованию буржуазного греческого национального государства.

²⁸ Ср. также точку зрения Ф. Дэльгера: «The Cambridge Medieval History», IV, 2 1967, p. 246; This extraordinary writer at times forshadowed modern sociologica conceptions».

²⁹ S. Lampros. Op. cit., 3, p. 257; J. Dräseke. In: «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Literatur und für Pädagogik», 27, 1911, S. 103.

³⁰ Тешнер (F. Taeschner. — BNJb, 1929/30, S. 100 ff.) видит в этом восточные влияния на Плифона.

³¹ Πλήθων. Νόμων συγγραφή· τὰ σωζόμενα, ed. C. Alexandre. Paris, 1858.

³² I. P. Matalakis. Op. cit., p. 226 sq.; Послание Геннадия Экзарху Иосифу περί τοῦ βιβλίου τοῦ Γεμιστοῦ καὶ κατὰ τῆς Ἑλληνικῆς πολυθείας — PG, t. 160, col. 631 sq.

³³ Ph. Meyer. — Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, 3. Aufl., 6. Leipzig, 1899, S. 508.

³⁴ О последующей судьбе в идее «третьего Рима» ср. H. Schaefer. Moskau, das dritte Rom, 2. Aufl. Darmstadt, 1957.